

6. ЛЮДИ В ШТАБЕЛЯХ

30 апреля 1997 года в 15 часов 17 минут на магистральном газопроводе Торжок-Минск-Ивацевичи в районе города Узда прогремел мощный взрыв. В небо полетели куски трубы, взвился огненный факел, видный в радиусе десяти километров. Загорелся лес.

На следующий день редакция независимой газеты "Свабода" получила письмо, известившее о рождении новой организации — Белорусской Освободительной Армии (БОА). Она брала на себя ответственность за подрыв газопровода, а также за два предыдущие теракта: обстрел российского посольства в Минске 1 апреля 1997 года, взрыв газокompрессорной станции около города Крупки 28 апреля 1997 года.

Неизвестная БОА заявила, что три проведенные акции — это "предупреждение московским интеграторам и их белорусским холоуям", которые под видом единения обеспечивают стратегические интересы России, лишают Белоруссию независимости. "Мы рассматриваем "интеграцию" как аннексию Беларуси Россией и все действия против этого как борьбу за Независимость Отчизны".

"Режим Лукашенко и его пособников" БОА поставила вне закона. Борьба с этим режимом — "святое право и обязанность каждого честного жителя Беларуси". Бороться следовало "всеми доступными средствами, в том числе вооруженными". Ряд высокопоставленных лиц России БОА назвала персонами нон-грата и предупредила, что "с этого дня никто не может гарантировать им безопасность на территории Беларуси".

Возникновение БОА государственная пресса прокомментировала в ироническом стиле, независимая — в отстраненном. Правоохранительные конторы отмолчались. Президент вскользь поерничал, что кому-то не нравится тишина в "стабильной Беларуси", вот и придумал БОА.

Более четырех месяцев о БОА не было слышно, о ней почти забыли. 10 сентября 1997 года в Минске без десяти минут шесть прогремел взрыв в здании Советского суда. Бомбу засунули в вентиляционное отверстие. В стене проломило дыру, выбило стекла в суде и в ближних домах. Никого не убило. Не повредило ни имущество, ни документы суда, поскольку бомбу заложили под комнату, где хранилась старая мебель. Взрывник был высокопрофессионален, все рассчитал точно. Убивать не хотел, это тоже точно, иначе взорвал бы в рабочее время и в рабочей комнате. Значит, только предупреждал.

В той же "Свободе" вскоре раздался звонок, мужской голос по-белорусски сообщил, что взрыв в суде произвела БОА. Чтобы предупредить "последний раз прислужников режима Лукашенко, что за антизаконные действия они будут наказаны персонально". Наверно, имелись в виду судьи, которые в Советском суде, руководствуясь запретительным декретом президента и типовыми свидетельствами милиционеров, карали участников оппозиционных митингов, пикетов, демонстраций многомиллионными штрафами либо сутками.

Такой же звонок был и в редакцию газеты "Имя", тоже независимой. "Свобода" вдобавок получила записочку с требованием освободить политзаключенных и возобновить Конституцию 1994 года. Записка была на белорусском языке.

Резонанса в обществе взрыв суда не вызвал. Дырку в стене заделали. О БОА высказались с устоявшейся иронией. Завели уголовное дело. Выдвинули версии.

"Рассматривается ли версия о подрыве трубы силами БОА?" — спросил я работника областной прокуратуры. "Безусловно, — ответил он, — глупо было бы ее игнорировать, если люди пишут."

Имелись два вещественных доказательства существования БОА: две записки. Обе сочинены на белорусском, причем "истинном". Поясню то, что взял в кавычки.

Некоторые мои заграничные гости, побывав в белорусском театре и послушав национальное телевидение, бывают удивлены, раздражены неблагозвучием белорусской речи. У них, замечу, тонкий слух и чуткая душа. В театре и на БТ звучит ненатуральный белорусский язык. Он царапает, как диссонанс. Он груб, в песне портит мелодию, миленькой дикторше вкладывает в губы солдафонскую интонацию, отчего она бывает миленькой, пока молчит.

Видимо, в народе живет нереализованная тоска по народной мове — и потому белорусы не уважают книжный белорусский язык, переходят на русский (незначительная часть) или (в большинстве) на "тросянку" (лексика русская, фонетика местная), которую демонстрирует удивленному миру представитель белорусской массы Александр Лукашенко.

В программе БНФ по национальному возрождению одним из пунктов стоит натурализация белорусского языка, возврат к грамматике Бронислава Тарашкевича, который в 1918 году наиболее точно передал графически звучание белорусской речи. Она мягка, благозвучна, мила, неторопливо.

Всего один пример: сънех. Что по-русски: снег. Но что упомянутая дикторша произносит по-солдафонски, "по-белорусски": снег.

Милая женщина старательно озвучивает современную грамматику, нивелирующую белорусский и русский. За это Беларусь хвалил Н.Хрущев. Белорусы, говорил, первыми вошли в коммунизм, где все едино. Входить в коммунизм наиболее активно белорусы начали в известных тридцатых. Грамматику Тарашкевича взять с собой им запретили.

В начале девяностых в новейшей истории Беларуси сверкнула вторая кратковременная (как и в двадцатых) вспышка белорусизации. Государственная языковая комиссия под началом поэта и депутата Нила Гилевича работала над возвращением истинности белорусскому языку. С приходом к власти Лукашенко Беларусь стала стремительно забывать самое себя. В Минске закрылись белорусские школы. Комиссия Гилевича сочла невозможной свою деятельность и отложила ее до лучших времен (с надеждой, что они придут с уходом Лукашенко).

На истинном белорусском разговаривают и пишут только непримиримые оппозиционеры, главным образом из БНФ. Лидер фронта Зенон Позняк свою фамилию пишет: Пазьняк. Чтобышний раз поиздеваться над ним и над языком, подпрезидентские газеты даже в русских текстах изображают его фамилию по-белорусски: Пазьняк.

С признаками собственно белорусской речи подан текст обеих прокламаций БОА. Правда, в "газопроводной" в трех местах недоставало мягкого знака и в одном перепутано правописание букв "е", "я". Автор не шибко грамотен. Зато как педантичен в графике! Абзацы, пробелы, интервалы — идеальны. Писавший — либо журналист (писатель), набивший руку на оформлении своих опусов (таковые примелькались в БНФ), либо не очень профессиональный инсценировщик, допустивший четыре досадные для себя ошибки (таковые обитают в силовых структурах, издавна практикующих изготовление фальшивок). Трудно допустить, чтобы на простеньких ошибках опозорился филолог из БНФ. Скорее на это способен специалист в погонах, которому назначили плохого консультанта.

Ошибка выдавала с потрохами. Взрыв на газопроводе прогремел в 15 часов 17 минут, а представитель БОА писал, что они подорвали трубу "утром". В здании суда изнутри взломало стену, а террорист БОА берет ответственность "за взрыв около здания". Неточности говорили о том, что взрывавший не имел отношений с писавшим.

Все ошибки можно было бы списать на молодость, неопытность БОА, если бы эта БОА была одна. Их ведь ... две. Чего никто не заметил!

БОА в белорусском оригинале существовала в двух языковых вариантах-названиях: газопровод взорвало "вызваленчае войска", суд — "вызвольнае войска". Первый вариант — словарный, второй — ненормативен, им пользуются в окружении Позняка. Допустимо ли, чтобы некая организация, громко заявив о своем рождении, не утвердила свое точное название, единонаписание? Наверно, автор, приписывая взрывы "истинным белорусам", не прочел свое первое письмо в газету. Сочиняя БОА, нарушил правила жанра политической провокации.

Кстати, первую записку у редакции "Свабоды" следователь изъял в дело, а вторую — нет. Это непрофессионально.

В 1997 году исполнилось 80 лет народному писателю Янке Брылю. По случаю юбилея он не был замечен ни властями, ни официальной прессой. День рождения Брыля отметили близкие, друзья, пара приличных газет. Полуподпольная Беларусь.

Официально замолчали писателя потому, что он поставил свою подпись под "Обращением интеллигенции к народу" рядом с подписями Светланы Алексиевич, Василя Быкова, Рыгора Бородулина, Геннадия Буравкина, Анатоля Вертинского, Нила Гилевича и других известных деятелей культуры, науки, образования (всего 200 человек). Своему молчаливому народу они пытались донести свою боль "за страшные результаты экономического и политического кризиса". Напоминали народу, что он избавляется своей исторической памяти, языка, теряет будущее, что "Беларусь возвращается в систему, которая уже уничтожила миллионы человеческих жизней."

Боль интеллигентов вылилась в воинствующий клич: "Защитим суверенитет Родины!.. Выступим против авантюрных планов так называемой интеграции!.."

Подмывало спросить: а каким конкретно образом? Но спрашивать тоже больно, потому что понимаешь бессилие ранимых гуманитариев, загнанных в угол, вынужденных пользоваться политической лингвистикой. Янка Брыль потерянно обронил, что в его долгой жизни никогда не было ощущения такого тупика Беларуси, как в конце двадцатого века.

Отличие БНФ в том, что, выступая от имени униженной коренной нации страны и посему имея больше мотиваций для радикализма, он действует человечнее, нежели подобные фронты и армии в других странах. Не имея в своем активе ни одной разрушительной акции, щадя на митингах даже газонную траву, БНФ за годы своей деятельности заслужил ярлыки исключительно негативного свойства: националисты, экстремисты, фашисты,

террористы. Чем мягче действовал фронт, тем жестче противодействовал правящий режим, сначала партийный, сейчас президентский.

Как выбраться из тупика? Взрывать трубу и суд, как БОА, использующая ту же лексику: "спасем", "защитим"?

Ответ будет найден, когда белорусский народ почувствует себя в своей стране лингвистическим меньшинством, ощутит свое положение как катастрофическое. Почувствует ли — неизвестно. А пока остро ощущает и выражает себя та микро-Беларусь, которая в 1989 году назвала себя "Белорусский народный фронт". Благодаря БНФ, белорусов можно поставить в один ряд с басками, корсиканцами, бретонцами, североирландцами, воспринимающими национальный нигилизм в свой адрес весьма болезненно, вплоть до террористических актов.

Рассказ минского студента Дмитрия Наймарка:

"Вообще-то я ехал на дискотеку в политехнический. Ее отменили... А примерно минут через десять нас окружили омоновцы. Положили дубинками на асфальт, стали обыскивать... Сразу понимаешь, что ты — ничто, а они — сила. Приказали залезать в машину. Накидали штабелями — еле дышишь... В машине нас обработали газовыми баллончиками. Привезли к какому-то отделению милиции, разрешили выйти. И тут у некоторых началась истерика. От шока, перенапряжения. От радости, наверное, что не убили, не покалечили... Просидел в городском приемнике-распределителе почти трое суток — якобы за хулиганство и агитацию. Но я же не участвовал в демонстрации! А как докажешь?.."

Рассказ писателя и учителя Леонида Борщевского, одного из лидеров БНФ:

"Это было уже после шествия, вечером. На нас накинудись со всех сторон люди в масках, в спортивных костюмах, с автоматами. Стали сильно бить ногами по спине и запикивать в автобус. Я успел только крикнуть депутату Павлу Знавцу: "Смотри и запоминай, что делают!" Меня забросили в салон, порвали плащ. Я ждал новых ударов, но в салоне командирский голос произнес: "Все! Леонида Петровича больше не бить!"

Рассказ глухонемого студента минского медучилища Анатолия Лесуна, переведенный Еленой Дубик:

"Я шел по тротуару. Остановилась машина, выскочили милиционеры, схватили. В милиции показали протокол. Там было написано: "Участвовал в несанкционированном митинге, оказывал сопротивление силам правопорядка, ругался, выкрикивал националистические, антипрезидентские, антиправительственные лозунги." Я объяснил, что не мог кричать, я

глухонемой. Дали пинка. Отвезли в суд. Судья увидел, что я глухонемой, и отправил меня за решетку."

Глухонемой юноша-белорус, осужденный за то, что ВЫКРИКИВАЛ антипрезидентские лозунги, — это символ Беларуси, где президент Лукашенко с 26 апреля 1996 года установил глухонемую стабильность. В тот день омон жестоко подавил скорбный Чернобыльский шлях по проспекту Ф.Скорины в Минске.

После разгона шествия вечером омон хватал в городе подростков, журналистов, активистов БНФ. Облава должна была продемонстрировать мощь режима, внушить людям страх и ужас, что означает: террор. В данном случае — государственный террор. Мир протестует, пытается воздействовать изоляционистской политикой. Но с любыми видами террора бороться тяжело.

Специалисты криминологии в конце 20 века ввели в профессиональный лексикон новый оборот: "белорусский терроризм". Нечто среднее между идеологическим и патологическим подвидами. В белорусской разновидности террора произошло сращивание личностных установок на абсолютизм и коммунистическое неприятие инакомыслия.

До 26 апреля 1996 года белорусский терроризм развивался по следующей схеме: БНФ избегал радикальных действий, ограничиваясь словесной дуэлью с властью на митингах, в Верховном Совете, в немногочисленных СМИ; власть, придираясь к бескомпромиссным выражениям З.Позняка и его команды, ловко используя ненависть старшего поколения к гитлеровским коллаборационистам, использовавшим, как и БНФ, национальную символику, растила из фронта "врага всего хорошего и святого" и для борьбы с ним формировала силовой аппарат, который взял на себя террористические функции.

После 26 апреля 1996 года государственный террор вызывал адекватные действия БНФ. Молодые люди приносили на митинги камни, палки, успешно защищались от омоновских дубинок. На более решительные действия БНФ традиционно, сущностно не был способен. Их применяют иные оппозиционные формирования. Они рождаются или в недрах БНФ, или за его рамками.

1998